

Философия войны: проблемы конституирования

*Полковник в отставке Г.П. ОТЮЦКИЙ,
доктор философских наук*

ОТЮЦКИЙ Геннадий Павлович родился 7 августа 1948 года в Хабаровске в семье военнослужащего. Окончил Пермское высшее военное командно-инженерное училище РВСН (1971), Военно-политическую академию имени В.И. Ленина (1978). С 1971 года — на комсомольской работе в ПВВКИУ. С 1978 года — преподаватель, старший преподаватель, заместитель начальника кафедры Ставропольского высшего военного командно-инженерного училища связи, с 1988 по 1998 год — начальник кафедры гуманитарных дисциплин Краснодарского высшего военного командно-инженерного училища Ракетных войск. После увольнения в запас в 1998 году — на преподавательской работе в Военном университете МО РФ и Военном университете РХБ защиты. В настоящее время — профессор кафедры социальной философии Российского государственного социального университета, профессор Военно-воздушной академии имени Жуковского и Гагарина.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы журнал «Военная Мысль» стал авторитетной трибуной обсуждения философских вопросов войны и военной науки. Особой остротой и дискуссионным характером отличаются, в частности, статьи В.В. Круглова, И.Н. Воробьева и В.А. Киселева, В.Д. Рябчука и В.И. Ничипора, В.В. Бабича¹. Они пронизаны искренней озабоченностью авторов по поводу того, как развивается военная наука, как формируются ее современные мировоззренчески-методологические основы. Нельзя не согласиться с мнением И.Н. Воробьева и В.А. Киселева о том, что **осмысление теории и практики военного дела с позиции научной философии является одной из ключевых задач в решении проблем военного строительства**; этим и определяется необходимость овладения генералами и офицерами методологией познания и преобразования военной действительности².

Вместе с тем вряд ли знание философии непосредственно способствует достижению победы в войне. В самом начале преподавательской деятельности автору настоящей статьи один из курсантов задал ехидный, по его мнению, вопрос: «Если мы не знаем ни одной философской работы А.В. Суворова, но он тем не менее не проиграл ни одного сражения, то имеет ли смысл изучение философии в военных вузах?»

¹ Круглов В.В. Новый подход к анализу современного противоборства // Военная Мысль. 2006. № 12; Воробьев И.Н., Киселев В.А. История и философия военной науки // Военная Мысль. 2007. № 2; Рябчук В.Д., Ничипор В.И. Философия войны и теория управления современным противоборством // Военная Мысль. 2007. № 7; Бабич В.В. О новом подходе к анализу современного противоборства и некоторых других проблемах // Военная Мысль. 2008. № 3.

² Военная Мысль. 2007. № 2. С. 68.

Ответ на этот вопрос, и достаточно давно, дан великим Г.В.Ф. Гегелем: «Сова Минервы вылетает в сумерки». Минерва у римлян — богиня мудрости, а сова — символ этой мудрости. Отсюда ясен смысл гегелевского афоризма: пока светло, т. е. пока известны достаточно эффективные алгоритмы деятельности в различных сферах жизни, философия для достижения практических целей не нужна, человек может достигать успехов в деятельности и без философии. Однако, когда сфера деятельности нова, когда возникает необходимость решения нового, доселе неизвестного класса задач, а алгоритм такого решения неизвестен, тогда и возникает необходимость в обращении к некоторым общим принципам, общим подходам, общим алгоритмам деятельности. Вместе с тем ***эти общие подходы сами по себе решения задачи не дадут, их роль заключается в том, что они резко сужают поле научного поиска, предлагают наиболее оптимальные средства поиска эффективных решений.***

Таким образом, вряд ли необходимы непосредственно философские знания для решения хорошо известных и типичных задач военного дела, отраженных в уставах, наставлениях, инструкциях, приказах и др. Однако условия *существенного* изменения характера войны и военного дела, связанные, например, с новыми способами комплектования армий, с возникновением принципиально новых целей войны, с военнотехническими революциями, как раз и заставляют полководца, военачальника обращаться к философским проблемам войны.

История развития науки показывает, что всякое развивающееся знание рано или поздно обращается к саморефлексии, к осмыслению собственных мировоззренческих и методологических основ. Иначе говоря, такое знание выходит на уровень философских размышлений о собственном объекте и предмете, а также о методах и средствах их постижения. Если такого рода размышления оказываются успешными и плодотворными, то ***формируется теоретическая концепция, которая может быть названа либо частнофилософской теорией, либо направлением, либо разделом целостного философского знания.*** Именно таким образом сформировались в свое время научные направления, безусловно признанные не только философами, но и всем гуманитарным научным сообществом: философия политики, философия религии, философия права, философия науки и техники и т. д.

Такое обращение к общемировоззренческим и общеметодологическим позициям становится необходимым в следующих обстоятельствах.

Во-первых, когда оказывается, что между уровнем *непосредственных* методологических и мировоззренческих проблем познания исследуемого объекта и уровнем *философского* мировоззрения отсутствует некоторый промежуточный (средний) уровень, который и мог бы выполнить необходимые гносеологические задачи. Например, решение проблем автомобилизации может опираться на методологию техники, выступающую своеобразным методологическим знанием «среднего уровня» для решения подобных конкретно-технических проблем. А вот для политики, для права такого промежуточного уровня практически нет. Нет такого «среднего» методологического уровня и для исследования проблем войны. Выдвигаемые рядом авторов в качестве такового культурологический, цивилизационный, или общеполитологический уровень как раз и есть уровни уже *собственно философского* исследования.

В связи с этим представляют интерес тезисы авторов недавно вышедшей в свет монографии о том, что «военная наука в ее классическом виде... уже не может в полной мере отвечать требованиям современности. Но на ее основе идет процесс формирования «большой» военной на-

уки, или мегавоенной науки»³. Первый уровень этой науки, «наиболее общий, имеет своим объектом отношения мир — война с их материальными и духовными составляющими, а также военную силу во всех измерениях»⁴. Нетрудно видеть, что этот «наиболее общий» уровень как раз и является уровнем философского осмысления и относится не столько к военной науке, как таковой, сколько составляет содержание «философии войны».

Во-вторых, когда сам объект философского анализа оказывается сопоставимым с глобальным измерением человеческого и природного бытия, когда само существование этого объекта может быть представлено как *особый вид* бытия. Такого рода значимостью, в частности, обладают и политика, и религия как глобальные основания бытия человека и общества, что и оправдывает существование соответствующих направлений философии. Но при таком подходе и война, с тех пор как она возникла, выступает в качестве одного из глобальных базовых процессов организации жизни человеческого общества. Ведь коренное отличие войны от военного конфликта состоит в том, что война — это состояние *всего общества*. Поэтому адекватное мировоззренческое и методологическое осмысление этого социального явления требует использования *всего собственно философского инструментария*.

В-третьих, формирование относительно самостоятельного частно-философского направления оправдано тогда, когда на его основе оказывается возможным формирование выводов общефилософского характера. Так, многие общие выводы современной социальной философии базируются на результатах исследования философии политики, философии хозяйства, философии религии и др. Что касается философии войны, то значительное число ее выводов могут составить основу для общефилософских обобщений. Ее выводы оказываются значимыми, в частности, для философского осмысления проблем «человек — общество — государство» на каждом конкретном этапе развития общества, для выяснения философской сути проблемы «человек — социальный мир» в целом. Но именно проблема «мир — человек» выступает в качестве системообразующей для философского знания на всем протяжении его истории.

Таким образом, **назрела объективная потребность в формировании и развитии философии войны как самостоятельного направления философских научных исследований**. Теоретической предпосылкой для этого служит появление развитых форм военной науки.

Система философских размышлений о конкретном объекте, в том числе философия войны, может строиться как минимум **на двух ведущих методологических основаниях**. Во-первых, **на основе применения целостного методологического аппарата философии к анализу конкретного феномена**. В этом случае реализуется дедуктивный тип осмысления исследуемого явления. Иначе говоря, при таком подходе вся философия оказывается подобно лучу прожектора направленной на исследование конкретного объекта — *диалектики войны и мира, развития военного дела в начале XXI века*. В известной мере такой тип философских размышлений может быть рассмотрен как восхождение от абстрактного к конкретному. Именно так формировали философские взгляды на войну Аристотель, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Вл. Соловьев и другие известные философы.

³ История и философия военной науки: уч. пособие / под общ. ред. Б.И. Каверина и С.А. Тюшкевича. М.: Воениздат, 2007. С. 383.

⁴ Там же. С. 384.

Современным примером такого подхода является упомянутое уже философское исследование войны и военной науки в недавно опубликованной монографии научного коллектива специалистов Военного университета и Института военной истории МО РФ. В их числе известные в научном сообществе философы С.А. Тюшкевич, Б.И. Каверин, П.В. Петрий, В.Н. Ксенофонов, П.И. Чижик и др.⁵ В постсоветской истории отечественной военной науки это одна из первых плодотворных попыток *современного* философского осмысления войн нового века. Следует вместе с тем отметить, что авторы работы были в значительной степени скованы рамками общей программы кандидатского экзамена по дисциплине «История и философия науки». Поэтому и структура пособия определена прежде всего требованиями именно этой программы, а не спецификой собственно философии войны и военной науки. В результате получилось пособие не столько по «философии военной науки», сколько по «философии социально-гуманитарного познания» с весьма убедительными примерами из сферы военно-теоретического знания.

Во-вторых, философия войны может формироваться *на основе саморефлексии военно-теоретического знания* путем методологического обобщения военных знаний, взятых во всем их объеме. В данном случае мы имеем индуктивное обобщение частного военно-теоретического знания и восхождение от частного знания на философский или, по крайней мере, на общеметодологический уровень размышлений. Рассматриваемый путь порожден *методологическими и мировоззренческими потребностями военных теоретиков и практиков*, занимающихся исследованием специфики современного военного дела, изучением нового облика войн в современном обществе, формированием основных направлений военной политики, реализацией конкретных задач военного строительства.

Именно такая попытка предпринята И.Н. Воробьевым и В.А. Киселевым, которые специально предупреждают читателя, что они преподаватели «в основном оперативно-тактических, а не гуманитарных (философских) дисциплин»⁶. Тем не менее, ощущая настоятельную потребность современной военной науки в обновлении своих философско-мировоззренческих основ, они предлагают обстоятельно разработанную структуру философии военной науки как направления научных исследований и как учебной дисциплины. В этом же ряду находятся упомянутые уже статья В.Д. Рябчука и В.И. Ничипора, публикации В.В. Круглова и В.В. Бабича.

При конституировании философии войны представляется целесообразной попытка синтеза рассмотренных подходов. Так как речь идет о логике развития военного дела в условиях трансформирующегося общества, то при этом следует опираться на всестороннее применение *культурологического, цивилизационного и технико-технологического* подходов, понимаемых в широком смысле.

На наш взгляд, **целый ряд подходов к конституированию и развитию современной философии войны нуждается в уточнении.** Так, В.Д. Рябчук и В.И. Ничипор, обсуждая публикацию И.Н. Воробьева и В.А. Киселева, задаются вопросом: «Так почему же не назвать предлагаемый ими предмет не «Философия военной науки» (чему есть аналогия — «Методология военной науки»), а «Философия войны» или «Философия современного противоборства» с преподаванием его на оперативно-стратегических и оперативно-тактических кафедрах»⁷. Можно в известных условиях согласиться с тем, что упоминаемый предмет следует преподавать именно на оперативно-тактических и оперативно-стратегических кафедрах. Однако назвать предмет «Философией войны», а не «Фило-

⁵ История и философия военной науки.

⁶ Военная Мысль. 2007. № 2. С. 57.

⁷ Военная Мысль. 2007. № 8. С. 73.

софией военной науки» нельзя по одной-единственной причине: это **разные философии!** У философии войны и философии военной науки разные объекты осмысления. Объект философии войны — война как социальное явление, объект философии военной науки — система знаний о войне. Философия военной науки в известной мере может рассматриваться как часть науковедения, рассматриваемого в предельно широком смысле. Обе философии чрезвычайно важны как для военного ученого, так и для военачальника, полководца.

Становление современного понимания *философии военной науки* происходит достаточно интенсивно. Поэтому более подробно поразмышляем **о сущности, содержании и методологии философии войны.**

В советской военной науке существовал парадокс, на который историки науки до сих пор не обращали достаточного внимания. В Военно-политической академии активно вела плодотворную научную и педагогическую деятельность большая кафедра философии, военные философы пользовались заслуженным авторитетом в научном сообществе, ежегодно защищались десятки диссертаций, публиковались статьи, монографии, материалы конференций по военной философии. Однако ни философии войны, ни философии военной науки как *относительно самостоятельных отраслей философского знания* конституировано не было. Функции этих философских направлений, по сути дела, выполняло марксистско-ленинское учение о войне и армии, которое представляло собой фактически философско-социологическое знание о войне. Именно поэтому *конституирование философии войны как самостоятельного направления философского знания*, как мировоззренческо-методологического основания современной военной науки представляется актуальной задачей.

Отметим также, что в современных публикациях совершенствование и развитие философии военной науки чаще всего связывают с внедрением результатов синергетики, информациологии, системотехники и других конкретных наук⁸. Гораздо реже встречаются размышления о развитии *собственно философских* оснований военной науки. Кроме того, в ряде публикаций можно наблюдать достаточно вольное обращение с самим термином «философия». Очень часто он используется в переносном смысле (и без необходимых пояснений) — как совокупность общих принципов данной конкретной сферы знания или теория некоторого вида деятельности. Следует подчеркнуть, что философия, выступая системой рационального (т. е. доказательного) мировоззрения, наиболее общего взгляда на мир, на место человека в мире и, в частности, на место войны в системе социального развития, по определению не может не быть *развернутой и обширной системой знаний*. Но, к примеру, В.Д. Рябчук и В.И. Ничипор пытаются уложить «философию противоборства» в «триаду: управление, эффективность, интеллект»⁹. Такого рода триада в лучшем случае может выступить итоговым обобщением упомянутой философии, но не самой философией.

При формировании современной философии войны очень важно адекватно осмысливать отечественное и мировое философское наследие и его роль в теоретическом освоении процессов военной действительности. Речь идет, в частности, о том, какое общеполитическое учение может выступить мировоззренческо-методологическим основанием философии войны.

По данному вопросу, как показывает анализ современных публикаций, в среде отечественных военных теоретиков наблюдаются две крайности: нигилистически-пренебрежительное отношение к методологическим идеям советских философов, с одной стороны, и робко-почтительное отношение к материалистической диалектике — с другой. Кроме того, отмечается общая тенденция существенного снижения глубины понимания *материалистической диалектики*.

⁸ Военная Мысль. 2007. № 8. С. 66; Военная Мысль. 2006. № 12. С. 50—51 и др.

⁹ Военная Мысль. 2006. № 12. С. 70.

Так, В.Д. Рябчук и В.И. Ничипор по ходу статьи едва ли не извиняются за то, что высоко оценивают роль идеального фактора в войне: «Мы понимаем, что подобные взгляды можно оценить как склонность к идеализму, от чего мы, скорее всего, и не стали бы особенно отказываться», — и характеризуют свою позицию как «материлизуемый идеализм»¹⁰. Однако на каком основании можно оценить их взгляды как «склонность к идеализму»? Ведь тот «философ», который *все* причины сводит к материальным — не материалист (в лучшем случае — вульгарный материалист). На самом деле материализм и идеализм отличаются друг от друга по ответу на один-единственный вопрос: каким является первоначало мира — материальным или идеальным? По многим другим вопросам материалисты и идеалисты могут придерживаться сходных позиций. Материалист действительно считает, что идеальный мир есть порождение мира материального. Однако, раз идеальные феномены появились, они, в свою очередь, сами становятся причиной других явлений, в том числе явлений материальных.

Ф. Энгельс, как известно, остро выступал против вульгарного материализма и в письмах по историческому материализму специально обращал внимание своих корреспондентов на ту существенную роль, которую играет идеальный, субъективный фактор в социальной жизни. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь», — таково мнение исторического материалиста Ф. Энгельса¹¹.

Так что позиция наших уважаемых авторов несколько не противоречит историческому материализму. Видимо, и В.Д. Рябчук, и В.И. Ничипор сами понимают, что их тезис о «приоритете человеческого фактора, интеллектуальных и духовных ценностей над сколь угодно мощным современным оружием»¹² нельзя понимать буквально и преувеличивать. Сколь бы мощным ни был человеческий фактор, но и в годы Великой Отечественной войны с винтовкой против танков идти было в большинстве случаев бесполезно. Тем более это касается современных вооружений. Другое дело, что речь надо вести о *конкретной диалектике* человеческого и военно-технического факторов. В свое время весьма обстоятельный, во многом новаторский философский анализ такой диалектики провел отечественный военный философ А.Б. Пупко — основатель научной школы философского исследования систем «человек — военная техника»¹³. Однако современные военные философы к его работам обращаются нечасто.

По нашему мнению, поскольку теория марксизма выступала методом анализа капиталистического общества, пусть и на раннем этапе его развития, постольку (и не только поэтому!) марксизм как философская методология вновь обретает свою теоретическую актуальность в настоящих условиях господства отношений частной собственности. Таким образом, *и диалектика, и исторический материализм действительно сохраняют свою методологическую роль в процессе философского осмысления войны*. Но являются ли они *единственным* методологическим инструментом такого осмысления?

¹⁰ Военная Мысль. 2007. № 8. С. 67.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 6. С. 530 — 531.

¹² Военная Мысль. 2007. № 8. С. 67.

¹³ Пупко А.Б. Соотношение человека и техники в вооруженной борьбе. М.: Воениздат, 1974; Пупко А.Б. Сущность средств и способов вооруженной борьбы и закономерности их развития. М.: ВПА, 1982.

Ряд авторов считает, что этот инструмент не только не является единственным, а вообще негоден для современной философии войны. Показательной в этом смысле является статья В.В. Круглова, который принципиальным недостатком «научного мировоззрения в СССР» считает то, что оно базировалось «на экстремальных вариационных принципах механики и диалектическом материализме»¹⁴. Распад СССР он напрямую связывает с тем, что советское руководство в своей политике действовало согласно закону единства и борьбы противоположностей, но «управление, основанное на единстве противоположностей, в конце концов будет приводить к деградации и разрушению объекта управления (общества, государства)»¹⁵. При этом в изложении автора сущность диалектического закона единства и борьбы противоположностей, мягко говоря, представлена не совсем точно. На самом деле главным содержанием закона выступает не просто борьба противоположностей, а диалектическое противоречие. В том-то и суть самодвижения, что его причиной выступают внутренние для конкретной системы диалектические противоречия. Однако сами эти противоречия есть лишь источник развития: когда они законсервированы — развития нет. Развитие происходит лишь тогда, когда находятся те движущие силы, которые в состоянии это противоречие разрешить.

Впрочем, не будем обсуждать методологические возможности диалектики. Тот читатель, который не хочет себя ограничивать рамками учебников, может обратиться к достаточно давним, но в значительной мере сохранившим свою актуальность исследованиям отечественных философов, рассмотревших методологическое значение диалектики в ряде многотомников. Ее современное осмысление продолжается, в частности, в работах П.В. Алексеева и А.В. Панина и их последователей¹⁶.

Даже если согласиться с критикой диалектики В.В. Круглова, то **целесообразно посмотреть, какая философия для анализа войны предлагается взамен**, памятуя, что эта «замена», во-первых, должна быть, пользуясь терминологией самого В.В. Круглова, избавлена от «греха редукционизма», во-вторых, должна отражать «фундаментальные законы мира».

Оказывается, речь идет о **русской (евразийской) онтологии**. В.В. Круглов подчеркивает, что ее современную «основу составляет теория симметрии хаоса и порядка»¹⁷.

Однако на самом деле онтология — это весьма развернутая часть любой философской системы, исследующая наиболее общие проблемы бытия. Поэтому проблемы взаимосвязи хаоса и порядка составляют существенную, но лишь одну из многочисленных проблем онтологии.

Борясь с редукционизмом «экстремальных вариационных принципов механики и диалектического материализма», «русские онтологи» приходят к «холистской парадигме триединства». Но разве это не редукционизм? Разве не редукционизм *все* сущностные характеристики войны объяснять, исходя из принципа «золотой пропорции»? По сути дела вся «философия войны» сведена к простейшему выражению: $A + B = 1$; $A = \sqrt{B}$ ¹⁸. Этого оказывается достаточным, например, для определения

¹⁴ Круглов В.В. Новый подход к анализу современного противоборства // Военная Мысль. 2006. № 12. С. 55.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Материалистическая диалектика: В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. М.: Мысль, 1981; Материалистическая диалектика как общая теория развития: В 4 т. / Под общ. ред. Л.Ф. Ильичева. М.: Наука, 1982; Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М.: Проспект, 1996.

¹⁷ Круглов В.В. Новый подход к анализу современного противоборства. С. 51; Харитонов А.С. Симметрия хаоса и порядка в круговороте энергии. М.: ИАЦ — Энергия, 2004; Хаос и порядок в природе. М.: ВАГШ ВС РФ, 2004.

¹⁸ Военная мысль. 2006. №12. С. 57.

соотношения разных видов оружия, в частности компонентов триады стратегических вооружений. Следовательно, не нужны знания ни экономики, ни географии, ни политики, ни техники, чтобы определять пропорции в вооружениях? Это уже не просто механистический, а какой-то геометрический редукционизм.

Однако, может быть, мы и в самом деле имеем абсолютно новаторскую онтологию, дающую ответы на *все* вопросы бытия?

В статье приведены интересные математические выкладки (их трудно да, видимо, и нецелесообразно оспаривать), которые могут стать основой инновационных выводов. Однако предлагаемый механизм приложения «математического равновесия» к социальным процессам представляется *недостаточно обоснованным и внятным*. Так, стремясь к искусственной новизне, апологеты «русской онтологии» не затрудняются точным определением понятий. Многие фундаментальные для этой теории термины и категории зачастую только постулируются, но фактически не разъясняются.

Понятийным монстром является, например, «структурная энтропия». По мнению «русских онтологов», «закон развития описывается *ростом структурной энтропии (структурного разнообразия)*»¹⁹. Однако во всех современных научных текстах энтропия означает *меру хаоса*. Возрастание же структурной энтропии у «русских онтологов» характеризует возрастание *меры порядка*. Но это нарушение всяких законов логики. По законам формальной логики видовое понятие не может противоречить родовому: как старший офицер — это всегда офицер, так и энтропия с любым прилагательным должна оставаться энтропией, т. е. мерой хаоса. А тут стоило энтропии обрести прилагательное «структурная», как она превратилась в свою противоположность, стала мерой порядка.

Утверждается, что «жизнь как способ движения материи к усложнению своей организации за счет возникновения внутренних круговоротов энергии вечна»²⁰. Таким образом, жизнь вечна, т. е. она никогда не возникла? Значит, напрасно биологи рассуждают о закономерностях генезиса живой материи, не имеет смысла как гипотеза А.И. Опарина о возникновении жизни из «коацерватных капелек», так и общая теория химической эволюции и биогенеза А.П. Руденко о механизме возникновения живой материи?

Но, может быть, у «русских онтологов» иное, отличное от биологии, понимание жизни? Тогда об этом надо было сказать, однако — не сказано.

«Русская онтология» принципиально отрицает сущность закона единства и борьбы противоположностей, не понимает, что диалектическое противоречие — это взаимосвязь диалектических противоположностей (т. е. двух сторон одного явления, двух взаимодействующих подсистем системы и др.), а для его разрешения необходимы *движущие силы* (т. е. своеобразная третья сторона противоречия; если ее нет, противоречие законсервировано, оно не может быть разрешено, развитие отсутствует). Именно из-за такого непонимания они формируют «инновацию»: им нужна «триада движущих сил», примером которой являются Святую Троицу. Более того: они упрекают все издания Большой Советской Энциклопедии за отсутствие в них «закона вечной борьбы»²¹. Выходит, из закона единства и борьбы противоположностей вытекает «невечность» процесса разрешения диалектических противоречий?!

В настойчивости по навязыванию объективному миру своей «триады» «русские онтологи» не уступают Гегелю с его навязчивой триадой

¹⁹ Военная Мысль. 2006. № 12. С. 51.

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Там же. С. 58.

«тезис — антитезис — синтез». Навязывают они эту триаду и войне: *«Главное здесь заключается в том, что объектом вооруженной борьбы является не только живая сила и вооружение, но и мировоззрение, сознание человека, а также нормы права, по которым победитель определяет условия жизни побежденным... В этом как раз и проявляется использование третьей переменной числа типов степеней свободы в уравнении симметрии хаоса и порядка»*²². Действительно, получается как раз три переменных. А если учесть, что объектом вооруженной борьбы выступает, например, инфраструктура государства, то это — четвертая переменная? А если учесть экономику — то пятая переменная?

Еще одно навязываемое триединство — единство функций государства, экономики и войны²³. А почему культура не включена в это единство? А социальная структура включена? Или тогда уже триединства не будет? Более того, со ссылкой на А.Е. Снесарева утверждается, что в рамках диалектического материализма, «стоящего на дихотомии», триединство государства, экономики и войны непознаваемо!²⁴ Каково читать сей тезис военным философам, которые в советские времена как раз и разъясняли курсантам военных училищ и слушателям военных академий диалектику государства, экономики и войны, опираясь, между прочим, среди других, и на работы Ф. Энгельса? На этой диалектике основана вся историко-материалистическая концепция войны.

Неужели «русские онтологи» не знают о военных работах Ф. Энгельса, не читали ни одного учебника «Марксистско-ленинское учение о войне и армии»? У советской философии, в том числе военной, много собственных действительных недоработок и «грехов», чтобы придумывать для нее грехи не существующие! Где, у какого «диалектико-материалистического» теоретика можно вычитать утверждение, что «чем меньше расходов на развитие оборонно-промышленного комплекса, тем сильнее экономика»²⁵? А именно за этот тезис В.В. Круглов нападает на диалектический материализм.

На первый взгляд, аргументы В.В. Круглова представляются настолько убедительными, что некоторые из них поддерживает В.В. Бабич: «Деление всего и вся на взаимно исключающие (и обязательно взаимно уничтожающие) противоположности, на только «черное» и «белое» это, как выяснилось, есть недопустимое упрощение, которое неизбежно ведет к грубым ошибкам в выводах из подобного рода «деления» (анализа) при выборе методов разрешения межгосударственных противоречий и, как следствие, — к поражениям, социально-политическим катастрофам и человеческим трагедиям»²⁶.

Однако, например, большинство успехов США последних десятилетий в политике, экономике и других сферах деятельности базируются именно на «дуалистическом» подходе, на разделении современного мира на «проамериканцев» и «антиамериканцев». Поэтому «дуалистический» подход отнюдь не обязательно ведет к поражениям.

Более важно другое, о чем сам же В.В. Бабич и говорит: деление на обязательно взаимоуничтожающие противоположности — это «недопустимое упрощение». Подчеркнем, *недопустимое как раз с точки зрения подлинной диалектики*. Стремясь «углубить» диалектику и поддержать В.В. Круглова, В.В. Бабич подчеркивает: **«Именно сотрудничество, сосуществование и противоборство лежат, как нам кажется, в основе тройственной модели равновесия в системе межгосударственных отношений»**²⁷. Далее он отмечает, что в мирное время противоборство между государствами ведется в форме соперничества, которое переходит по мере обос-

²² Военная Мысль. 2006. № 12. С. 55.

²³ Там же. С. 60.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Бабич В.В. О новом подходе к анализу современного противоборства и некоторых других проблемах // Военная Мысль. 2008. № 3. С. 33.

²⁷ Там же. С. 34.

трения противоречий в борьбу экономическую, дипломатическую и др. В военное же время борьба государств в невоенных сферах дополняется вооруженной борьбой. Однако где же здесь новизна, требующая некой новой «трояственной» теории, противостоящей диалектике (трактуемой В.В. Кругловым как «дуалистический подход»)?! Именно диалектика и показывает, что любое диалектическое противоречие в процессе развития проходит различные стадии, в том числе соперничество, противостояние, борьбу.

Примечательным для «русских онтологов» является **введение в научный оборот еще одного понятия — «структурной энергии»**. В.В. Круглов подчеркивает, что новизна «русской онтологии» заключена, в частности, в том, что именно через введение «структурной энергии» оказывается возможным единое выражение трех законов: закона сохранения энергии, закона превращения энергии и «закона причинно-следственной связи явлений в природе»²⁸. Представление о «структурной энергии» дается следующим образом: «В отличие от неживой природы живые организмы, будучи энергетическими преобразователями, изменяют структуру своих динамических элементов в процессе взаимодействия с потоками энергии, заменяя их, и, в пределе, себя. Далее цикл повторяется. Эта структурная энергия дает приращение полезной работы в течение всей жизни природы»²⁹.

Для того чтобы хоть что-либо понять в этом тезисе, нужно ответить на ряд вопросов.

Если живые организмы — энергетические преобразователи, то из какого вида энергии в какой происходит преобразование?

Если эти организмы взаимодействуют с потоками энергии, то что это за потоки?

Где структурная энергия — «в потоках энергии, с которыми взаимодействуют живые организмы»? Или это энергия, полученная на выходе «энергетических преобразователей»?

Структурная энергия — это качественная характеристика, отличающая ее от «неструктурной» энергии, или структурная энергия — это любая энергия, определенное количество которой пошло на перестройку структур?

А может быть, как в случае с понятиями «жизнь» или «энтропия», «русская онтология» под энергией понимает нечто совершенно иное, чем это подразумевается в современном естествознании?

Ответов на эти вопросы нет, читатель остается в недоумении. А ведь структурная энергия — это базовое понятие для дальнейшего изложения. Что же делать читателю?

Недаром «русская онтология» лишь мимоходом и в нигилистическом аспекте упоминает сформировавшуюся в XX веке авторитетную теорию самоорганизации, специально исследующую диалектику хаоса и порядка, а именно — *синергетику*. Возможно, потому, что как Г. Хакен, так и И.Р. Пригожин, разрабатывая математический аппарат синергетики и исследуя проявления ее закономерностей в природе, *призывали очень осторожно интерполировать выявленные ими закономерности на общество*. Они четко понимали, что общество — принципиально иной объект исследования, чем природа. Вместе с тем, хотя в статье В.В. Круглова обстоятельно демонстрируется различие живой и неживой природы, однако *ни слова не сказано о специфике социальных процессов и специфике их отличия от процессов биологических*. Или такое различие применительно к «структурной энергии» не является существенным?

Таким образом, ниспровергателям методологической роли диалектики для военной науки не удалось создать действительно системную и плодотворную методологическую альтернативу. Очевидно, это и в самом деле задача чрезвычайно трудная. Однако, как представляется, прежде чем отбрасывать сформировавшуюся философскую теорию, необходимо ее, во-первых,

²⁸ Военная Мысль. 2006. № 12. С. 51—52.

²⁹ Там же. С. 54.

хорошо понять, во-вторых, *определить действительные рамки ее применения.*

Неразумно выбрасывать молоток на том основании, что он не помогает забить гвоздь в бетонную стену. Он пригодится, когда придется забивать гвоздь в доску. Так и диалектика: *имея большие методологические возможности, она тем не менее не всесильна.* Более того, на начальных этапах любого исследования диалектика бесполезна, а то и вредна: прежде чем рассматривать развитие и связи какого-либо объекта, надо выяснить, что это за объект. А эта познавательная процедура требует абстрагирования от его связей и «остановки» его движения. Здесь надежный помощник — метафизика.

С другой стороны, те философские концепции, которые в советские времена рассматривались исключительно в рамках «критики буржуазной философии», *могут играть существенную методологическую роль при анализе явлений войны.* Так, принято считать, что естествоиспытатели, как правило, являются «стихийными материалистами». Точно так же выдающиеся полководцы, обладающие даром военного предвидения, умеющие *своевременно предугадать замыслы и действия* противостоящих им военачальников, являются «стихийными герменевтиками». Следовательно, методологические возможности *философской герменевтики* должны войти в исследовательский арсенал современной философии войны, поскольку герменевтика исследует мотивацию и смыслы деятельности социального субъекта, в данном случае — субъекта военной деятельности. Существует и активно развивается, например, юридическая герменевтика. Очевидно, правомерна постановка вопроса о развитии «военной герменевтики», «герменевтики войны».

По-разному в современных публикациях оценивают содержательные аспекты концепций постмодернизма — от восторженной апологетики до нигилистических трактовок. Однако, например, *постмодернистская парадигма* «мир как текст» оказывается весьма плодотворной для анализа военной действительности в условиях *информационного общества.* Трудно переоценить значение постмодернистской идеи «смерти автора». С одной стороны, мы часто забываем автора плодотворной идеи, считая, что это «само собой разумеется». С другой стороны, сам автор уже не в состоянии распоряжаться судьбой порожденной им идеи. Так, идеи К. Клаузевица о политической сущности войны давно живут собственной жизнью и приносят те плоды, о которых сам Клаузевиц вряд ли подозревал.

Немалыми методологическими возможностями обладает *феноменологическая* исследовательская программа, *культурцентристская* методологическая парадигма и т. д.³⁰

Итак, **целесообразно философию войны рассматривать как такое направление исследований, в котором весь методологический аппарат философского знания направляется на постижение специфического социального феномена — войны.** Вряд ли верна та точка зрения, что теория войны может иметь в качестве философских предпосылок лишь одну из ветвей обширного и раскидистого древа мировой философии. Поэтому философия войны имеет одной из задач *преодоление эклектизма* теоретических оснований военной науки. Такое преодоление реализуется путем формирования взаимосвязанных, логически и теоретически непротиворечивых ее мировоззренчески-методологических основ.

³⁰ История и философия военной науки. С.192—210.